Отец Демьян Кудрявцев

ХАНА ПРИСТАВЛЯЕТ ТАБУРЕТКУ К ДВЕРИ И ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ ВЫВЕШИВАЕТ ПЛАКАТИК: «НЕ БЕСПОКОИТЬ НИКОМУ! СТУЧАТЬСЯ ЭКСТРЕНЫХ СЛУЧАЯХ. Я СЕРЬЕЗНО!»

ЭТО БЫЛ неудачный день. Бывают такие дни, когда хуже, чем иметь младшего брата, только быть младшим братом. И именно в этот день я остался с детьми один. Отдых уже закончился, но школа еще не началась. Жара развиднелась, и пошли дожди, так что на мокрой детской площадке никого не было, Хана читала книгу, Яша слонялся по дому сам и так легко своровал все конфеты, что лишился даже этого развлечения, а мокрая лирика за окном на него не действовала совершенно, он был полон энергии, был здоров и наконец-то выучил букву «р», с которой теперррь набрррасывался на прррроходящих из-за угррра. — Яша! Ты меня испугал! — Ага! Пррриколько!

К началу Ханиного учебного года Яша пришел подготовленным. Во дворе и под телевизором он подобрал несколько новых слов и жонглировал ими, как сверкающими гривенниками, иногда доставая из кармана особенно ценный рубль: споткнувшись о неубранные игрушки, сказал: «Блин!», знакомому официанту в кафе прокричал: «Привет, чувак!», и, когда Хана попыталась его воспитывать, он резко ответил: «Заткнись!», за что был бы синхронно бит, если бы наши руки не столкнулись одна с другою в полувзмахе от его головы. Яша вывернулся, но понял, что дело серьезно, и сразу же извинился. Извиняется Яша так. Он подходит вплотную к обиженному объекту, так, чтобы сверху была видна только макушка (у Яши — две), и произносит себе под ноги: «Извини меня, пожалуйста». И хотя настоящего раскаяния он не испытывает, просто не успевает, ведь уже через две минуты вертится колесом по чужим коленям, вещам, книгам, но все же извинения для него не полностью формальная вещь. Ему неприятно и неловко, и если он не согласен со своей виной, то в жизни не извинится, так и будет, надутый, красный, упрямо стоять и рыдать свое, уже оставленный без десерта, без прогулки, без PSP. Но в этот раз Яша повинился, буркнув невнятное Хане в бок, а она, в детстве отплакавшая свое за «типа такой» и «кушать», как раз собиралась насладиться долгим Яшиным унижением, и это ей тоже не удалось.

— Хорошо! — сказала она тоном провинциальной феи, — только больше так никогда не делай, не перебивай старших и не говори плохих слов!

За лето Хана насмотрелась мультфильмов и переняла назидательную интонацию вкупе с умильным смехом, но это быстро с нее слетит. Теперь она читает приключенческие книги. «Затерянный мир» Конан Дойля, «Кортик», «Алые паруса». Так быстро, будто бы их глотает. — А я прочитала «Дневник Анны Франк».— И как? — Горько. — Даже не говори. Ты все поняла, у тебя нет вопросов? — Я все поняла. Знаешь, что обиднее всего? — Знаю. — Нет, обиднее всего, что через два месяца была победа, а Анна не дожила. — Да, и это обидно тоже.

Сегодня первый раз после каникул пришли Соня и Даша. Вряд ли они обсуждали прочитанные книжки, но им было о чем поговорить, так что они стояли с внутренней стороны Ханиной двери, прижимая ее телами, и шептались. Яша попробовал разгрести вещи в своей комнате, в результате чего с этажерки упали полки, с полок — ящики, из них посыпались игрушки, в том числе пластмассовая модель самолета Ил-96, единственная вещь, которую я склеил своими руками, — в целом уборка оказывается делом неинтересным. Конечно, лучше мешать сестре. Яша долго сидит в засаде, и, как только девчонки отвлекаются от двери, врывается в комнату с громким криком, чтобы сразу же с визгом выбежать из нее. Тогда Хана прибегает к последнему средству, то есть к предпоследнему, последним был бы замок на дверь, но мама не разрешает. Хана приставляет табуретку к двери и через десять минут вывешивает плакатик: «Не беспокоить Никому! Стучаться экстреных случаях. Я серьезно!». Я привычно просматриваю текст на предмет ошибок, и отцовская гордость на время отвлекает меня от конфликта: для своего возраста Хана очень прилично пишет. Некоторое время Яша ходит кругами, трогает объявление, подслушивает тайком. Потом не выдерживает, заходит. — Яша, там же написано: «Братьям не заходить!» — И тогда он становится в позу жертвы, поворачивает голову на восток и отвечает, как бы сдерживая обиду: «Извини меня, Хана, что я зашел. Понимаешь, я не умею читать». — Папа! Он издевается надо мной. Ты видел, что там написано? — Ну видел, — отвечаю я раздраженно, мне не нравится, что Яшу плохо берут играть во взрослые игры, но его неспособность занять себя мне тоже кажется страшно глупой, а еще я не люблю брать сторону в детских спорах. — Тогда скажи ему! — Яша, тебе придется доказать сестре, что твой случай экстренный.

Такого подвоха девочка от отца не ждет, и ее начитанные глаза наполняются быстрыми слезами, что сначала провоцирует Яшин смех, а потом мой гнев и даже, пожалуй, крик. Сына я загружаю в ванну, где он сам краснеет от стыда и кипятка, одноклассниц дочери провожаю, и Хана наконец-то остается в комнате одна — так обретение желаемого может стать наказанием, — а я остаюсь в тишине размышлять об этом и постепенно оказываюсь в темноте, наступает вечер дня, за который никто ничего не сделал, только очень устали — все.

Я сижу так довольно долго, потому что мыться, стелить постель и даже чистить друг другу зубы эти дети умеют сами. И действительно, после легкого шебуршания они затихают по двум углам, и к Хане я все же хочу зайти: возможно, я был к ней как-то за компанию несправедлив. Она лежит, отвернувшись к стене, ужасно вытянувшаяся за лето, еще в плюшевых, но уже начинающих отмирать игрушках, и не всхлипывает почти. Я бормочу ей что-то смущенно-нежное и выхожу. В коридоре стоит Яша — пижама навыворот, паста по всей щеке, пальцы сжаты в маленькие кулаки. — Яша, что? — Простите меня навсегда, пожалуйста, — и, пятками, пятками, убежал.